

Антонъ Чеховъ.

По поводу II-го тома марковского изданія.

„Все на этомъ свѣтѣ лишнее!... И науки, и люди и тюремныя заведенія, и мухи... и каша... И вы лишній... Хотя вы и хорошій человѣкъ, и въ Бога вѣруете, но и вы лишній“... говоритъ тюремный смотритель Яшкинъ смотрителю уѣзднаго училища Пимфону въ первомъ разсказѣ (Мыслитель). И тоже самое говоритъ Чеховъ своему читателю всѣмъ разсказами этого тома. Даже тѣ на первый взглядъ псевдо-забавныя анекдоты, которые печатались въ юмористическихъ журналахъ съ подписью „Чехонтъ“, въ сущности сводятся къ отрицанію дѣйствительности, такой, какъ она есть, и къ тоскѣ по иной жизни, непохожей на нашу.

Кто въ смѣшномъ видитъ только смѣшное и не умѣетъ угадывать „невѣдомыхъ, незримыхъ міру слезъ“, тотъ будетъ весело хохотать надъ такими разсказами какъ „Орденъ“, „Маски“, „Хамелеонъ“, „Випль“, по кому дано угадывать въ томъ, что рассказываетъ писат., его тоскующую заботу, его душевную боль, — унесетъ изъ этихъ разсказовъ смутное тревожное чувство тоски. Скука, нелѣпность жизни, униженіе человѣческаго достоинства, — вотъ истинные герои этихъ комическихъ разсказовъ, надъ которыми въ концѣ концовъ хочется плакать.

Въ разбираемомъ томѣ есть нѣсколько вѣдницъ совершенно Джеромъ-Джеромовскаго стиля, безобидно-смѣшныхъ и немножко впадающихъ въ каррикатуру. Благодарный пациентъ даритъ излечившему его доктору бронзовый подсвѣчникъ, („произведение искусства“; бронза очень художественной работы изображаетъ двухъ женщинъ, позы и костюмы которыхъ кажутся доктору недостаточно скромными, чтобы держать это „произведение искусства“ въ своей квартирѣ. Онъ даритъ подсвѣчникъ адвокату. Тотъ въ восторгѣ отъ подарка и отъ сюжета „произведения“, но также не рѣшается поставить его въ своемъ кабинетѣ, и подноситъ эту бронзу въ бенефисъ одному актеру.

По тѣмъ-же самымъ мотивамъ актеръ сбываетъ подсвѣчникъ старухѣ скупающей бронзу, у которой его сейчасъ-же покупаетъ благодарный пациентъ и радостно везетъ на квартиру доктора со словами:

— Докторъ! на ваше счастье намъ удалось приобрести пару для вашего канделябра“...

Въ другомъ разсказѣ къ незнакомому литератору является толстая дама съ толстой тетрадью въ рукахъ и проситъ его выслушать ея произведение. Пока она читаетъ первый актъ длинной, бездарной драмы, писатель томится злобой, скукой, ненавистью къ этой драмѣ, и къ автору драмы и жалостью къ себѣ; ему хочется спать и онъ засыпаетъ; но повышение голоса писательницы будитъ его; и когда проснувшись онъ видитъ, что она еще здѣсь, онъ „вскрикнулъ груднымъ неестественнымъ голосомъ, схватилъ со стола тяжелое прѣсепанье, и не помня себя, со всего размаха ударилъ имъ по головѣ Мурашкиной (фамилія дамы).

— Вяжите меня, я убилъ ее! сказалъ онъ черезъ мигнутусѣ жавшейся прислугѣ.

Присяжные оправдали его.

Въ анекдотѣ, озаглавленномъ „Лошадиная фамилія“, мы читаемъ о томъ, какъ у отставнаго генералъ-майора Вулдѣева разболѣлись зубы, при чемъ хина, прописанная докторомъ и всѣ домашнія средства не могли унять боли. Тогда приказчикъ Вулдѣева посоветывалъ ему лечиться заговорами. Для этого нужно было телеграфировать въ Саратовъ какому-то Якову Васильичу, фамилію которою приказчикъ вдругъ забылъ—и помнилъ о ней только одно, что она, „словно какъ-бы лошадиная“. Цѣлый день всѣ домашніе самъ генералъ и приказчикъ мучились, придумывая такія фамиліи, какъ Кобылицынь, Лошадинъ, Лошаковъ, Лошадевичъ, Конявскій, Кошутинъ—и никакъ не могли напасть на исчезнувшую изъ приказничьей памяти фамилію заговорщика зубной боли; „генералъ не спалъ всю ночь.“

— Въ третьемъ часу утра онъ вышелъ изъ дому и постучался въ окно къ приказчику.

— Не Мериновъ-ли? спросилъ онъ

плачущимъ голосомъ.

— Нѣтъ, не Мериновъ, ваше превосходительство, отвѣтилъ Иванъ Евсѣичъ, и виновато вздохнулъ.

Утромъ пріѣхалъ докторъ и выдернулъ больной зубъ.

По дорогѣ домой онъ встрѣтилъ въ полѣ приказчика, бормотавшаго съ измученнымъ, напряженнымъ видомъ:

„Булановъ, Черезсѣдельниковъ, Засушонинъ, Лошадскій“.

Докторъ окликнулъ его, и попросилъ продать пять четвертей овса. Въ отвѣтъ на это Иванъ Евсѣичъ „тупо поглядѣлъ на доктора, какъ-то дико улыбнулся и бросился на барскій дворъ“.

— Надумалъ, ваше превосходительство! закричалъ онъ радостно, не своимъ голосомъ. Овсовъ! Овсовъ, ваше превосходительство. Посылайте денешу Овсову!“

Мы нарочно такъ подробно коснулись этихъ художественныхъ бездѣлушекъ, чтобы яснѣе показать, насколько отличаются онѣ какъ по тону, колориту, такъ и по замыслу отъ преобладающаго типа комическихъ рассказовъ Чехова.

Остановимся на нѣкоторыхъ изъ нихъ выбранныхъ наугадъ изъ книги.

Учитель военной прогимназіи колледжскій регистраторъ Левъ Пустяковъ, (въ рассказѣ „Орденъ“) отправляясь на обѣдъ къ богатому купцу рѣшаетъ для приданія себѣ значительности въ глазахъ этого купца и его гостей явиться съ „Станиславомъ въ петлицѣ“.

Своего ордена у него нѣтъ — онъ беретъ Станислава въ заемъ у своего пріятеля поручика Леденцова, и счастливый, гордый ѣдетъ на обѣдъ. Но тамъ онъ встрѣчается съ учителемъ французскаго языка Трамблянномъ, который знаетъ, что у него нѣтъ ордена. Съ непередаваемымъ юморомъ изображена психологія мучительнаго замѣшательства двухъ учителей (Трамблянъ тоже явился съ орденномъ, взятымъ на прокатъ) и ихъ стараніе скрыть отъ публики и другъ отъ друга эти ордена и ихъ радость, когда Трамблянъ замѣчаетъ орденъ Пустякова, а Пустяковъ орденъ Трамбляна, послѣ чего они развязно прохаживаются среди публики, уже не прикрывая орденовъ, а гордятся ими.

Тема случайная и даже нѣсколько неправдоподобная. Но въ ней пульсируетъ жизнь той нищей духомъ среды, гдѣ достоинство людей определяется богатствомъ и орденами, гдѣ можно радоваться возможности пощеголять хоть въ чужомъ орденѣ. Чувствуется знакомый ароматъ родной провинціальной глуши и ея интересовъ. И если прочесть подрядъ всѣ рассказы, — передъ глазами встанетъ обширная, во всѣхъ деталяхъ разработанная, безотрадная картина русской жизни.

Чеховъ описываетъ, какъ помѣщикъ издѣвается надъ проживающимъ у него бездомнымъ старикомъ французомъ, который былъ гувернеромъ его дѣтей. („На чужбинѣ“).

Описываетъ, какъ дежурные чиновники какого-то правленія играютъ въ винтъ фотографическими карточками и заставшіи ихъ за этой игрой начальники увлекаются самъ и играютъ съ ними до утра. („Винтъ“).

Рассказываетъ, какъ полицейскій надзиратель, которому обыватель жалуется, что его укусила собака, кричитъ: „Чья собака? Я покажу вамъ какъ собакъ распускать! Какъ оштрафуютъ его, мерзавца, такъ онъ узнаетъ у меня, что значить собака и прочіи бродячіе скоты! Я ему покажу кузькину мать! Когда-же ему говорить, что, кажись, это собака генерала Жигалова, мѣняетъ тонъ и говоритъ обывателю:

„Ты должно-быть расковырялъ палецъ гвоздикомъ, а потомъ и пришла въ твою голову идея, чтобы сорвать. Ты вѣдь... извѣстный народъ! („Хамелеонъ“).

Рассказываетъ, какъ во время балъ-маскарада въ общественномъ клубѣ въ бисбютеку, гдѣ читали и „мыслили“ мѣстные интеллигенты, ворвалась замаскированная пьяная компанія, и стала безобразничать. Интеллигенты волновались, негодовали... до тѣхъ поръ, пока не узнали, что въ компаніи подъ одною изъ масокъ скрывается „мѣстный миллионеръ, фабрикантъ, потомственный почетный гражданинъ Пятигоровъ, извѣстный своими скандалами, благотворительностью и, какъ не разъ говорилось въ мѣстномъ „Вѣстникѣ“, любовью къ просвѣщенію“. Узнавъ это, интеллигенты „заходили по клубу унылые, потерянные“ и бы-

ли рады, когда онъ позволилъ имъ проводить себя домой.

"Интеллигенци", мужики, актеры, рабочіе, офицеры, дьячки, монахи, — кромѣ профессиональной типичности имѣющіе свою индивидуальную физиономію, отраженные талантомъ Чехова, представляютъ такую богатую и разнообразную портретную галлерею, которую мы съ гордостью можемъ сравнить съ французской Мопассановской галлереей. И съ той выгодной для насъ разницей, что Мопассана въ изображеніи человѣка прежде всего и больше всего интересовала животная сторона, а Чехова — искаженный въ человѣкѣ образъ и подобіе Божіе. Каждый его рассказикъ имѣетъ значеніе драгоценнаго камушка, тонко ограненнаго для большой мозаичной картины "бѣдности и несовершенствъ нашей жизни. Взятый въ отдѣльности такой камушекъ иногда не говоритъ о своей значительности, о своей необходимости для необозримо-большого цѣлаго, которое всегда имѣется въ виду нашимъ художникомъ, къ какому-бы эпизодическому ничтожному сюжету онъ не подходилъ.

Чѣмъ арѣлье становился его талантъ, тѣмъ больше въ его эскизахъ сталъ чувствоваться творецъ Иванова, Скучной исторіи, Мужиковъ, Дяди Вани. Въ отдѣльныхъ штрихахъ рассказовъ и въ выборѣ темъ все чаще стала слышаться основная, характерная черта этого таланта — тоска по тому, что "называется синтезомъ, Богомъ живого человѣка" (слова профессора изъ "Скучной исторіи").

Чеховъ смѣется надъ этой жизнью, гдѣ онъ не нашелъ ни синтеза, ни "Бога живого человѣка" въ человѣческихъ душахъ. Но въ смѣхѣ его всегда слышна затаенная любовь — снисходительная и безнадежная.

Чорой онъ жадно начинаетъ искать въ этой жизни изящнаго, осмысленнаго, трогательнаго. Онъ ведетъ насъ къ хористкѣ, которая великодушно отдаетъ всѣ свои драгоценности тутъ-же оскорбляющей ее жень своего покровителя (см. раз. "Хористка"). Показываетъ намъ чистую кроткую, безотвѣтную Лиду (въ "Оврагѣ"), благочестивую Ольгу ("мужики") студента, который вдохновенно раз-

сказываетъ про отреченіе Петра и страданія Христа двумъ крестьянамъ, маляра ("моя жизнь") съ чуткой совѣстью, добраго, повторяющаго: ржа есть желѣзо, а лжа есть душу, и героя этой-же повѣсти нѣжнаго, чистаго души юношу, возмущавшаго несправедливостью и безсодержательностью жизни своего круга и предпочеваго ей трудную и бѣдную жизнь простого рабочаго.

Но всѣ эти чистые хорошіе люди почему то мало утѣшаютъ нашего автора. И рисуетъ онъ ихъ какъ то неуверенно, опасливо, боясь сгустить краски и глядя на нихъ съ полумиленной, полу-недовѣрчивой улыбкой.

Нѣтъ писателя болѣе разочарованнаго въ идеалистическихъ сторонахъ человѣка. Можетъ быть это происходитъ оттого, что нѣтъ писателя, который бы болѣе сильно томился по осмысленной жизни и который бы такъ мучительно для себя любилъ въ человѣкѣ героическое и изящное.

Будь онъ менѣ правдивъ, или обладай менѣ острымъ анализомъ онъ сталъ бы въ утѣшеніе себѣ идеализировать типы, что такъ часто случается даже съ большими художниками.

Но правдивость Чехова неподкупна. Ни одно явленіе, ни одинъ характеръ не можетъ обольстить его своей внѣшней красотой. Глазъ этого художника проникаетъ въ сущность явленій и типовъ какъ то фатально, на ало ему самому и на полную безутѣшность читателя.

Тѣ отдѣльные, немногіе, чистые сердцемъ, стойкіе духомъ, живущіе полной, смѣлой жизнью люди, тѣ два праведника, которые есть въ каждомъ Содомѣ, его не радуютъ.

Они всегда помнятъ Русь не какъ идею, не какъ будущее, на которое н а м е к а е т ъ горсточка "интеллигентовъ" и разнаго рода теченія среди нихъ, а какъ всю землю, "землю великую и обильную", но гдѣ "порядка нѣтъ", гдѣ не пришло "княжить и владѣть" душами то, чего такъ жадно и напрасно ищетъ въ жизни самъ Чеховъ.

Волынь. 1900, 26 сентября, № 211.

с. 2, 3.

Въ поискахъ правды и красоты, онъ время отъ времени уходитъ въ поэтический міръ юныхъ неспорченныхъ дѣвическихъ существованій и къ первоизданной красотѣ дѣтской души.

Молодые дѣвушки изображаются Чеховымъ съ какимъ то грустно умиленнымъ чувствомъ.

То, какъ онъ подходитъ къ дѣвичьей жизни напоминаетъ музыку изъ Фауста, то мѣсто гдѣ Фаустъ впервые подходитъ къ дверямъ Маргариты.

Тутъ и преклоненіе передъ истинной и какой то страхъ за хрупкость этого чистаго міра, и любопытство, и жалость, и нѣжность, и (вотъ откуда Чеховскій тонъ грустной пачишки) ни на минуту не уходящая мысль о неизбежности паденія для этихъ Гретхенъ, разговаривающихъ со звѣздами, о неизбежномъ соприкосновеніи съ грубымъ, пошлымъ, съ „тоской повторяющихся дней“, съ безцвѣтной, безрадостной, длинной жизнью.

Довольно вспомнить знаменитую „Чайку“, милый образъ Мисюсъ изъ „Дома съ Мезониномъ“, Катю изъ „Скудной Исторіи“.

Въ настоящемъ томѣ есть на эту тему два прелестныхъ разсказа. — „Шутка“ и „Послѣ театра“.

Весеннее настроеніе безпричиннаго счастья, жажды жизни и переполненности собственной жизнью и молодостью у 16-ти лѣтней дѣвушки передано въ послѣднемъ разсказѣ съ удивительно свѣжестью красокъ, съ поразительнымъ пониманіемъ полурасцвѣтшаго дѣвичьяго сердца.

Еще художественнѣе и трогательнѣе выходятъ у Чехова изображенія дѣтскихъ душъ.

Немногимъ писателямъ, подходившимъ къ дѣтскому міру, удавалось остаться при этомъ правдивыми, не сантиментальными и нескучными.

Чеховъ пришелъ сюда со всей силой анализа, со всей жаждой правды и красоты и съ обычнымъ своимъ юморомъ.

Онъ любитъ дѣтскою жизнью и отдыхаетъ въ ней душой, но не идеализируетъ ее; и часто въ такихъ разсказахъ слышится грустная и насмѣш-

ливая нота недовѣрія къ человѣческой природѣ.

Маленькій мальчикъ, впервые пришедшій на исповѣдь (въ разсказѣ на „страстной недѣлѣ“), глядя на распятіе и страдающихъ у креста Богоматерь и Іоанна, говоритъ:

„Я чувствую, что для нихъ (для неба, для Бога) чужой, лишній, незаметный, что не могу помочь имъ ни словомъ, ни дѣломъ, что я отвратительный, безчестный мальчикъ, способный только на шалости, грубости и ябедничество. Я вспоминаю всѣхъ людей, какихъ только я знаю и всѣ они представляются мнѣ мелкими, глупыми, злыми и неспособными хоть бы на одну каплю уменьшить то страшное горе, которое я теперь вижу“.

Это не случайное размышленіе исключительно настроеннаго мальчика, это то, что думаетъ о человѣкѣ самъ Чеховъ.

Отсюда мрачность его настроенія, мрачность красокъ, а иногда сатирическая преувеличенность въ изображеніи.

Но въ самой этой мрачности чувствуется какой то предѣлъ, тотъ часъ глухой ночи, послѣ котораго небо непременно поблѣднѣетъ, пролетитъ предразсвѣтный вѣтеръ и встрепенется замершая жизнь.

Когда это будетъ и будетъ-ли, — Чеховъ объ этомъ не говоритъ; измученный на своемъ пути напрасныхъ исканій, онъ порою даже какъ будто не вѣритъ въ вѣчно возрождающуюся творческую силу человѣческаго духа и ему, какъ его „мыслителю“, кажется, что все въ этомъ безмысленномъ мірѣ лишнее: „и науки, и люди, и тюремныя заведенія, и мухи, и каша, и онъ самъ“.

Но для насъ именно эта глубина отрицанія является добрымъ предвѣстіемъ.

Какъ въ растительномъ царствѣ, уничтожившись, прида къ своей смерти, зерно даетъ новый ростокъ, такъ и въ области духа „только тамъ гдѣ гробы, возможно воскресеніе“.

В. Мироничъ.

(В. Г. Малафеева)